

Молодоженам J и G посвящается Деревенская свадьба шла своим ходом уже второй час. Гости были прекрасно подогреты, крики «Горько» не смолкали. Высокий, худощавый молоденький жених сиял как хрустальный фужер и без усталости косился на свое ненаглядное сокровище. Невеста же сидела с прямой спиной, чуть бледная, приклеенная улыбка не сползала с ее лица. При очередном «Горько!» она заученно вставала и с нежной покорностью подставляла своё запрокинутое лицо пылающему от счастья жениху. Если отбросить некоторую напряженность — в остальном она была прекрасна! Черные глазищи с махровыми ресницами на бледном гармоничном лице в обрамлении темных кудрей, украшенных изящно уложенной фатой. Короткое белое платьице с пышной юбочкой и высоким шнурованным корсетом, эротично поднимающим и без того высокую грудь.

Белые перчатки по локоть, белые чулочки, изящные белые туфельки на умопомрачительных ножках — Лёля была завидной девушкой! Сколько крутых парней сохло по ней, а она выбрала скромного, приличного городского мальчика. Правда, вполне обеспеченного и, главное, очень ее любящего! Чтоб не тащиться в город, в дорогие рестораны, свадьбу решили делать в местной поселковой столовой — дешево и сердито! К тому же, лето, молодежь может погулять, а на второй день сходить на шашлыки! Виталик расстарался, его родители не пожалели денег, и теперь на свадьбе с размахом гулял весь поселок. Вино лилось рекой, закуски не жалели, тамада разбивался в лепешку, стараясь угодить и свекрам и теще с тестем. — А сейчас — конкурс для свидетелей! Давайте дадим им шанс узнать друг друга получше! Лёля с тоской смотрела, как слегка поддатый Серега с завязанными глазами собирает губами шоколадные конфеты с разложенной на стульях Аленки, так и норовя «случайно» попасть куда-то не туда. Аленка ойкала и взвизгивала, но выглядела абсолютно счастливой. Гости гоготали и аплодировали, когда Сергуня, наконец, добрался до губ свидетельницы, украшенных трюфелем, и алчно присосался...

— Ольк! Пора! — откуда ни возьмись, вынырнула рыжая Светка. Маленькая, худощавая, вёрткая, как ящерица, с холодными зелеными глазами на узком лице, с короткой стрижкой под мальчика. Сегодня она была ослепительна в облегающем блестящем платье с открытыми плечами и ногами и в таких же блестящих остроносых туфлях на шпильке.

— Тихо! Первой выходишь ты, как будто в туалет! Светка отвернулась и яростно зааплодировала Сереге, чуть не уронившему свидетельницу в попытке посадить к себе на шею...

... Они бежали, взявшись за руки, по ночным улицам, звонко цокая каблучками по нагретому за день деревенскому асфальту. Никто не попался им на пути — весь поселок гулял на свадьбе, которую невозможно было пропустить. Одна из первых умниц-красавиц выходила замуж за странненького городского. Правда, поговаривали, что она сделала это назло своему бывшему парню. Но мало ли что болтают! А брак — дело серьезное!

— Куда ты меня тащишь? В Завидово, что ли? — возбужденно смеялась Лёля. Ночной воздух пьянил, хотелось пить от счастья и свободы и ни за что не возвращаться назад... Уже кончался поселок, мелькали пустыри, в воздухе тянуло росой и ночной прохладой. Они остановились у старого сельпо, стоящего на отшибе. Это был старый дощатый барак, наглухо заколоченный с тех пор, как построили новый магазин. Светка подтащила ее к заднему входу, аккуратно

сняла давно отодранные и подвешенные для вида доски, скрипнула дверь, и они зашли внутрь. Пахло затхлостью и плесенью. По стенам висела паутина, сквозь небрежно заколоченные окна пробивался лунный свет, бликами вырывая из тьмы старый прилавок, развалившийся стеллаж, скрипучий дощатый пол да колченогий стул у окна.

— Вот! — гордо сказала Светка, усаживая Лёлю на стул, — лучшего места нет! Пусть поищет-помучается, выкуп пожирнее приготовит за такую-то красавицу!

— Свет, — смущенно сказала Лёля, — а ты уверена, что нас найдут? Может, переберемся поближе?

— Найдут-найдут, можешь не сомневаться! — уверенно заявила Светка. — Я пойду проконтролирую, буду им намёки намаякивать!

Она вертко двинулась к выходу.

— Свет! Ты что! Я одна буду? — испугалась Лёля.

— Да не бойсь ты! Тут никого нет кроме пауков! А мы за тобой скоро придем! Не бойся, не соскучишься! — Она повернулась в дверях и посмотрела на Лёлю каким-то странным, пристальным взглядом. Улыбнулась, скользнула змейкой в дверной проём и исчезла. Через минуту и легкий стук каблучков растаял в ночном воздухе, и Лёля осталась одна.

Она сидела, задумавшись. Ей совершенно не хотелось возвращаться назад. И найденной женихом быть тоже не хотелось. Ах, Лёха-Лёха, если бы не ты, это могла бы быть наша с тобой свадьба! Сколько сладких ночей провели мы вместе, качаясь на волнах страсти, сколько чудесных дней прогуляли. держась за руки и не разлипаясь. Если бы не твоя блядская натура, все могло бы быть иначе... Она вспомнила тот пасмурный зимний день, когда, по привычке без стука зайдя к нему домой, обнаружила его верхом на Светке. Да-да. На этой самой Светке. Она просто повернулась и ушла. И никогда больше не брала трубку, не здоровалась и не замечала. Светка прибежала к ней домой, рыдала, умоляла выслушать, говорила, что всего лишь зашла, чтоб найти ее, Лёлю, а он сам набросился, кобель ненормальный, ты же его знаешь, что не слышала про него что ли ни разу... Ну, хочешь, я заявление на изнасилование напишу, Оль! Поверь мне!

Это, последнее, отрезвило Лёлю. Ты что, с ума сошла, сказала она, парню жизнь ломать. Ну, было — и было. И прошло. И она простила Светку. А его — нет.

Он долго еще силился все вернуть, ждал и искал с ней встречи. Никак не мог поверить, что она — больше не его. А ей почти сразу встретился Виталик, городской племянник тети Зои. И начал красиво и трепетно ухаживать, дарить подарки, вывозить в город. Ей было нестерпимо больно. Но она улыбалась и делала вид, что наконец-то счастлива и что по-другому и быть не может. Она почти сразу приняла предложение руки и сердца, и теперь везде появлялась в актуальных нарядах в обществе приличного мальчика из хорошей семьи на дорогой машине. Подружки дошли от зависти, но ей надо было только одного — поставить на место Лёху. И у нее это, кажется, получилось! Отчего ж так нестерпимо щемит сердце... Ладно, скоро ее найдут, свадьба завертится своим чередом, и можно будет ни о чем не думать... Она вздохнула и, приподняв коротенькое платье, стала подтягивать спустившийся на бегу чулок.

Скрипнула дверь. Или почудилось? По спине побежали мурашки... В дверном проеме, залитом лунным светом, чернела человеческая фигура.

— Кто там? — с трудом переводя дыхание спросила Лёля. — Светк?

Фигура сделала несколько шагов ей навстречу и, попав в полосу лунного света, оказалась... Лёхой.

— Ты?! — Она не могла поверить своим глазам. — Что ты здесь делаешь?

— То же, что и все — ищу невесту. Правда, на свадьбу ты меня позвать забыла. Пришлось самому тебя искать, чтобы попроситься. — Услышала она знакомый, тихий, чуть сдавленный голос.

Он стоял в лунном свете невыносимо красивый: коренастый, широкоплечий, с накачанной в зале рельефной мускулатурой, обтянутой узкой борцовкой. Высокие скулы, чуть курносый нос, чувственной лепки рот — все такое родное, до боли знакомое, привычное.

Лёля не выдержала, слезы навернулись на глаза, из груди вырвался всхлип: — Зачем я тебе? Не нужна тебе ни я, ни моя свадьба! Не мучай меня! Я с таким трудом всё забыла! — Она разревелась, как девчонка, слезами облегчения. Он был рядом — и это было главное. Но никак нельзя было сказать об этом.

Он сделал несколько шагов, и оказался совсем вплотную.

— Лёля, девочка моя! Невестушка! Какая ж ты красивая! Он протянул руку и стал пальцами нежно гладить ее по голове, лаская мочку уха, шейку, щечки. Она проследила направление его пристального взгляда, и поняла, что до сих пор сидит с задраным платьем и неподтянутым чулком. Она быстро опустила подол, но не смогла противиться его ласке. Прикосновения становились все менее нежными, все более чувственными и напористыми. Вот его пальцы спустились ниже, на шею, в вырез платья, ложбинку между грудей... Он возвышался над ней, сидящей на стуле, и она видела напротив своего лица вздыбленный под спортивными штанами такой знакомый член. Вдохнула привычный, терпкий мужской запах. — Отстань, я замуж выхожу! — Она что есть сил мотнула головой.

— Да выходи! Кто ж тебе мешает! — он медленно опустился на корточки, внимательно заглядывая снизу вверх ей в лицо. — Я просто пришел попроситься. Хотел узнать, неужели ты совсем забыла, как нам было хорошо? — произнес он тягучим низким голосом, укоризненно покачивая головой.

— Я ничего не забыла! — запальчиво выкрикнула Лёля. — И вообще, давай отсюда, сейчас мой жених придет!

— За это можешь не переживать! — осклабился Лёха. — Никто не придет! Светка позаботится!

— Так это ты... — Лёля задохнулась. — Это вы!... С ней...

— Не шуми! Мы просто договорились, у нас свои счета. — Он цинично ухмылялся. — Смотри, на что я ради тебя иду, девочка моя!

Значит, они одни. Они одни, и никто не придет. Долгими бессонными ночами она вспоминала их роман, встречи, ласки, отчаянно желая хоть на миг вернуться в прошлое. И вот — оно. Похожее на сон. Он, она и лунный свет. И никто не придет. У нее закружилась голова. Внизу всё сжалось и запульсировало.

— Виталик любит меня, — включила она последнюю попытку сопротивления.

— Неужели же с ними тебе лучше, чем со мной? — его пальцы заскользили вверх по белым чулочкам, медленно, но верно забираясь под платье. — Я тоже люблю тебя, моя девочка! Всегда любил. Неужто не веришь?

Лёля вспомнила робкие ласки Виталика, его влюбленные глаза, дрожащие от волнения руки. И тут же постаралась забыть.

Лёхины смелые пальцы пробрались выше, раздвинули ее сжатые ножки, лаская внутреннюю сторону бедер.

— Ну, покажи мне их сама, свои потрясные чулочки! В последний раз! — голос был низким, ласковым, манящим, обволакивающим, заводящим, блядским...

Дрожащими руками Лёля приподняла юбку, открывая взору умопомрачительные ножки, высоко перехваченные резинкой белых чулок. Между нежных ляжек белел, посверкивая стразиками, узкий лоскуток влажных трусиков.

Опустившись на колени, он втиснулся между ее ног и страстно впился губами в горячую возбужденную плоть под тонкой шелковистой тканью. Лёля ахнула и с силой прижала его голову к себе, задвигав навстречу бедрами. Леха зубами отодвинул ластовицу и проник языком в нежные, истекающие соком складочки нижних губок. Он сразу напористо всосал в себя клитор, ввинтился в бутончик входа, и быстро заработал в нем языком. Лёля ахнула и застонала, вся подаваясь и раскрываясь навстречу. Не теряя напора, он нашарил вверху ее грудь, нетерпеливо вытаскивая ее из корсета и нащупывая торчащие от возбуждения соски. Лёля вспомнила всё. Всё, что не могла и не хотела забыть. Всё, что будили его наглые прикосновения. Свою сучью сущность, жар похоти, страстное желание поддаваться и отдаваться, выворачивая нутро навстречу дразнящим мучительным ласкам.

Её стоны возбудили его еще больше. Член уже ломило, он горел и сочился предвкушением жаркой ебли. Лёха вскочил и махом стянул штаны. Его мощный, породистый, крепкий хуй закачался прямо перед лицом Лёли. Она вспомнила небольшой аккуратный, чистенький, словно с мылом намытый член Виталика, его суетливые фрикции и тихие мышинные оргазмы. И снова постаралась забыть.

— — Давай, детка, помоги ему! возбужденно, с придыханием шептал Лёха, тычась набухающей головкой в нежные губки. Её рот уже истекал прозрачной слюной, язычок сам высунулся до предела, чтобы подразнить, обводя по кругу, раскаленную головку. Член проник в переполненный слюной рот и зажил своей жизнью, нащупывая сладчайшие точки соприкосновения. Терся о бугорки альвеол, скользил по корню языка, упирался в железы, вызывая сладкие удушливые судороги. Тыкался до упора то за правую, а то за левую щечку. Лёля подгоняла его, лаская языком уздечку, вылизывая, заглатывая и катая во рту поросшие жестким волосом яйца.

Он настроился на волну и стал с хлюпаньем долбить ее в горло, наслаждаясь ее подчиненностью, будя в ней новые приливы желанья, легонько пощипывая податливые сосочки. Он хорошо разбирался в природе страсти и знал, как довести девушку до грани безумия и заставить делать то, что нужно ему.

— Давай, сними это — с трудом оторвавшись от сладкого ротика, он кивнул на задравшуюся юбку. Хочу рассмотреть тебя как следует! Лёля встала, быстро отцепила юбку, переступила ножками — и осталась перед ним с выпирающей поверх корсета пышной грудью, тонких чулках и изящных туфельках на стройных ножках. Да еще в белых перчатках по локоть.цветком на ветру, выплескивая застоявшиеся соки. Влагалище и клитор сочились томлением и разочарованием. То, что предназначалось доставить им радость и удовлетворение, билось где-то за тонкой перегородкой, вызывая дополнительное бесконечное, мучительное возбуждение. — Вот теперь ты настоящая шлюшка, моя девочка! — Жарко прошептал Лёха ей сзади в ухо, сжимая ее соски и доводя до забытья — Чудесно даёшь в попку, шлюшенька! Как же там у тебя прекрасно! А тебе нравится? Нравится?! Нравится?! — выдыхал он, подавая жару!

Лёля и сама понимала, что выглядит как шлюха. И это ее дико заводило. Хотелось полностью

забыть и потерять себя, расплавиться в котле страсти.

— Да, да, да — — подвывала она, теряя чувство реальности и теребя клитор — еще! Еще! Сильнее! Аааах!!

Она не успела достигнуть пика. Лёха вдруг остановился и как-то странно замер, прижимая ее к себе за бедра. В наступившей тишине слышалось лишь их возбужденное дыхание, да скрип открывающейся двери.

Лёля вся сжалась, возбуждение моментально исчезло. Их нашли — и это конец свадьбе! Стыд и отчаяние охватили ее. Высокая мужская фигура в дверном проеме. Виталик?!

Мужчина сделал несколько крадущихся шагов вперед. Нет, это был не Виталик. Засунув большие пальцы в карманы джинсов и неуверенно ухмыляясь, напротив них высился лучший Лёхин дружбан Василек.

— Леша, что это? — Лёля пыталась вырваться. Но Лёха все так же крепко держал ее на возбужденном члене, чуть покачиваясь бедрами, словно пытаясь ее расслабить. — Что это? Что он здесь делает? — она испуганно билась в его руках, ласкающих и возбуждающих ее тело.

— Тихо, тихо, девочка! Это все для тебя, радость моя! Не пугайся! Помнишь, мы с тобой порнушку смотрели, а ты сказала: вот бы здорово так же с двумя мужчинами... — Задыхался он.

— Ты озверел! это просто постельные разговоры!

— Да? А когда я спросил, кого бы ты хотела видеть третьим в нашей постели, кого ты назвала, помнишь?

Он взял ее за волосы, оттянув ее голову назад и заставляя глядеть прямо на Василька. Тот спокойно покачивался на каблуках, насмешливо ухмыляясь ей в лицо.

— Ты подонок! это всего лишь фантазия!

— Что ж, неплохая фантазия! А фантазии должны исполняться, особенно, в такой прекрасный день.словно не один, а несколько резвых, горячих, бесстыдных, дразнящих язычков. Член уже давно жил своей жизнью, распирая изнутри ширинку дорогих костюмных брюк. Прервав захватывающий поцелуй, Виталик заглянул в бездонные зеленые глаза и, с легким нажимом стал медленно толкать ее голову книзу. Ухмыльнувшись, Светка широко раскрыла накрашенный рот и проехала влажными губами сверху донизу по груди и животу, оставляя на белой рубашке жениха яркие помадные разводы.

Чуть прикусила вздыбленную ширинку, блеснув крупными влажными зубами, по-хозяйски расстегнула брючный ремень, стянула вниз резинку трусов и без предисловий взяла его в рот на всю длину. Виталик расплавился и поплыл на волне горячих, переливчатых ощущений. Он и представить никогда не мог, что бывает такой нереальный кайф. Лёля была его первой женщиной, и он счастлив был с нею. Но это она делала как-то скомкано и торопливо, словно желая поскорее закончить и отвязаться. Он, конечно, все равно любил ее, но...

Острый язычок сновал по всей длине члена, обводя головку, дразня уздечку, лаская яички и пах. Аххх... Светка насаживалась до упора всем горлом, частой крупной дрожью, то звонко обсасывая, то играя им за щекой, то немного помогая себе ручкой, похлопывая по языку и все это время блестя навстречу ему плотоядным взглядом.

Блин, кажется, и впрямь у нее язык раздвоенный... Или это в темноте так...

Ни на секунду не оставляя члена, Светка торопливо стащила с плеч и груди трикотажное платье, выпрыгнули наружу не знающие бюстгальтера маленькие острые сисечки с темными

ореолами сосков.

Он тронул пальцами эти нереальные вишенки-горошинки, чувствуя себя счастливейшим из смертных. Светка вздрогнула и тихонько застонала, задирая теперь уже и низ платья и оголяя худощавые, мускулистые ноги. Сидя на корточках, она сдвинула узкую полоску блестящих трусиков и стала ласкать себя там нежными маленькими пальчиками. Он увидел блеснувшие в лунном свете капельки смазки на маленьких лепесточках возбужденных губок, услышал ее усиливающиеся стоны, и в одно мгновение развернул спиной к себе, бросив на колени на сырую вытоптанную траву.

Светка по-кошачьи прогнулась и, обернувшись к нему, плотоядно облизнулась. Виталик ненадолго замер, наслаждаясь видом вздернутой маленькой упругой попки, загорелых мускулистых ляжек и, раскрывающейся ему навстречу, маленькой узкой раковинки. Он медленно провел пальцем по сократившимся под его напором нежным губкам, увлажнил палец в ее теплом соке, попробовал его на вкус, и, нависнув над ней всем телом, на выдохе вошел в нее...

Ему показалось, что он попал в рай. Так было так узко и горячо, что он судорожно здохнулся. Там звенели колокольчики и порхали бабочки, рассыпались горошинки разноцветного драже и сладкой, теплой волной накрывал ласковый прибор...

Он любил Лёлю, он слишком любил Лёлю. Она была его любимой роскошной женщиной, и он все никак не мог поверить своему счастью. Он трепетал перед ней, прикасаясь с величайшей осторожностью, благоговей и робей. Она была неизменно добра к нему, подбадривая, поощряя и иногда подталкивая в нужном направлении. Но он все равно слишком боялся не соответствовать, слишком много суетился, слишком быстро кончал, неизменно чувствуя себя виноватым. Но Лёля ни разу не выдала своего недовольства, и от этого было еще тошнее. И тогда он говорил себе, что главное — любовь, а там — захотим — притремся, научимся...

Но сейчас ему не надо было быть никем кроме себя самого — распаленного самца, настигшего самку, охотника, загнавшего дичь, серфингиста, ловящего волну... Он с наслаждением трахал и трахал эту узкую горячую сучку, и чувствовал, что счастлив делать это бесконечно! Она словно создана была для страстной ебли в сладкую щель. Её звонкие стоны колокольчиками рассыпались на высоких частотах, маленькие холмики груди не отвисали, как у Лели, а вызывающе торчали книзу. Поджарое тело бешено уносило его за собой в безумную скачку.

... Он не знал, сколько прошло времени, поймал себя лишь на том, что предательски дрожат от усталости перепачканные землей коленки, а Света уже практически пластается по земле, вцепившись зубами в клок сырой травы и утробно подвывая под его напором. Казалось, оба они уже изнемогли, но тут Светкины глаза широко раскрылись и вспыхнули холодным, хищным блеском, а изо рта высунулся, блядски обводя губы, манящий, дразнящий (раздвоенный?) язычок.

«Шлюха, шлюха, шлюха!» — Заколотилось в мозгу. Но от этого стало почему-то только слаще. Он почувствовал, что больше не владеет своим телом. Сладкая, острая волна захватила его и потащила за собой, заставив выгнуться дугой и зажмуриться до слез. Светка ящеркой вынырнула из-под него и махом поймала в ротик его разбухший до нереальности, стреляющий спермой член, всасывая в себя тягучие струи, балуясь языком, торопя, обостряя и усиливая оргазм.

Виталик протяжно стонал, разбиваемый на брызги прибоем, ощущая невероятное облегчение и любовь к миру.

Он выдохнул и опустил глаза: перед ним на траве сидела мокрая, грязная Светка. Откинувшись назад и раскинув ноги, мелко надрачивала маленький клитор, задыхаясь и нагло глядя прямо ему в глаза, взбивая языком и губами в пену его соки вперемешку со своей слюной. Ей словно мало было того, что произошло между ними. Она готова была трахаться двадцать четыре часа в сутки, доводя себя и его до иступления и опустошения.

Но он уже опомнился. Встал. Натянул помятые брюки, испачканную рубашку, застегнулся на все пуговицы, потер руками лицо, словно стряхивая наваждение. Он не знал, как себя вести и что сказать, но глядя на цинично извивающуюся перед ним потаскушку, неожиданно зло выплюнул: «Шлюха!» И зашагал прочь. Вслед ему зазвенели веселые развратные колокольчики: «Кто-то? А сам-то кто! Жени-их!»

Он пробирался к своему дому огородами. Испачканные землей штаны еще можно как-то объяснить, но, вот, перемазанную помадой рубашку надо сменить немедленно. Ничего. По-тихому залезу к себе в окно, переоденусь. Никто не увидит.

Хуже другое. То, что случилось. Что же я наделал, козлина! — — В отчаянии подумал он. Как! Я! Мог! Предать Лёлю. Мою добрую, светлую, чистую Лёлю с грустными глазами...

Лёля стояла раком на занозистом полу, принимая в себя два члена. Она с наслаждением старательно отсасывала на всю длину у Василька, держа его за бедра и, прогибаясь как можно ниже, подмахивала пристроившемуся к ее киске Лёхе. — Стоны наслаждения вырывались из ее горла. Киска горела и текла, плавясь от вожделения. Василек ловил ее возбужденные сосочки, затыкая до упора членом стонущий рот, а Лёха жестко растряхивал писечку как будто в последний раз в жизни. Её сучья страсть и покорность заводила его все сильнее. «Ай, бя, Лёля, не могу больше!» — — завопил Лёха, сжав зубы и выгнувшись дугой впечатался в Лёлины бедра, изливая в нее фонтаны спермы. Он жаркой пульсации внутри случился маленький взрыв и Лёля с протяжным рыком стала кончать, задергавшись в оргазме. Замерев на пару секунд, Лёха выбрался из нее, доплелся до своей одежды, вытащил из штанов пачку и закурил, плюхнувшись на пол.

Он с наслаждением наблюдал, как Василек уложил растрепанную невесту на спину прямо на скрипучий пол, задрал повыше изящные ножки в чулках, полюбовался пульсирующим обкончанным входом во влагалище, растирая сперму по клитору и вызывая в нем новые конвульсии страсти. Задрал ее ноги еще выше, пригнув коленки к груди и заставив приподнять попку. Раздвинул шелковистые ягодицы и ввинтил палец в анус. Лёля испуганно дернулась, но тут подлетел Лёха, зафиксировал ее руки, прижав к полу, и стал медленно целовать припухший рот и торчащие сосочки, давая возможность Васильку сделать свое дело. Василек сосредоточенно похлопал членом по ее промежности, разогревая и расслабляя попу, тягуче плюнул на узелок ануса и полез, напирая, выдыхая, закрыв глаза от напряжения. Ухнув, провалился внутрь и погнал, подгоняемый Лёлькиными страдальческими воплями. Она выла, как степной волк, надрывно и протяжно, оргазмы токались в ее передок через тонкую стенку. Она изгибалась и крутилась, словно хотела убежать, уползти, но не могла, насаживаемая на копье страсти...

Леха достал из кармана телефон и стал снимать извивающуюся Лёлю, стараясь не захватывать в кадр лицо приятеля. Вот искаженное страстью лицо невесты в сбившейся фате,

вот трясущиеся на весу ножки в белых чулочках, вот крупным планом растягивающий узкую попку бугристый член...

Василек понял, что кончает. Судорога свела все его тело. Член жил своей жизнью, мощно извергаясь в узкой горячей попке и тащил его за собой по волнам неотвратимого оргазма. Он рухнул на подвывающую Лёлю, выскользнув из нее, рефлекторно благодарно целуя враскос ее шею, и откатился в сторону, раскинув руки и бессмысленно глядя в темный потолок. Лёха любовался на горящую, пульсирующую ее задницу, дышащую словно жерло вулкана, извергающего Васькину густую сперму.

— Все, хорош, Лёха! Ей скоро реально искать будут! — Выдохнул Василек, влезая в джинсы. Давай, линияем по-быстрому, а не то мордобой на свадьбе нам обеспечен!

Лёша нежно поцеловал лежащую Лёлю в дрожащие губы: — — Пока, невестушка моя! Счастливо замуж сходить! Не забывай нас никогда! И мы тебя не забудем! Он подмигнул, засовывая в карман телефон с записью. Это на память о нашей встрече! Глянем когда на большом экране! Парни заржали и быстро выкатились за дверь.

Лёля долго еще лежала на полу, постанывая и глотая слезы. Она плохо понимала свое состояние. Возможно, это даже были слезы счастья...

(Продолжение следует)